
ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 130.123

DOI 10.31249/hoc/2019.04.01

Ремезова И.И.®

ПРОБЛЕМА ДУХОВНОСТИ В ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА

Аналитический обзор

*Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Москва, Россия*

Аннотация. В обзоре представлены современные концепции феномена духовности в многообразии его взаимосвязей.

Ключевые слова: духовность и творчество; благодать; стяжение богоподобия; духовность и свобода; духовность и нравственность; кризис духовности; духовное здоровье.

Remezova I.I.
The problem of spirituality in human life

Analytical review

*Institute of Scientific Information in Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences*

Abstract. The review presents modern concepts of the phenomenon of spirituality in the diversity of its relationships.

Keywords: spirituality and creativity; grace; acquisition of god-like qualities; spirituality and freedom; spirituality and morality; crisis of spirituality; spiritual health.

Духовность – это творчества начало,
Полет души, что ввысь устремлена,
В которой звонкой песней зазвучала
Космической гармонии струна.

O. Рубежсов

Подчас приходится слышать от прихожан православной церкви (как правило, неофитов) сетования и сожаления по поводу людей не-воцерковленных: как жаль, мол, что они лишены духовной жизни... Полагаю, что их сетования не вполне оправданы. Среди исследователей издавна ведется дискуссия о формах проявления духовности в жизни человека. На мой взгляд, интересная концепция представлена в статье С.А. Нижникова, в которой духовный архетип человечества изображен в виде равностороннего треугольника, вершинами которого являются Истина, Добро и Красота. Процесс духовного творчества в истории культуры разбивается, соответственно, на три основных потока: философию, религию и искусство. «Феномен духовного реализуется в этих трех сферах специфическим образом, опираясь на различные сущностные силы человека, опираясь на его способности и потенции» [15, с. 182]. Сущность человека развертывает себя, согласно трактовке С.А. Нижникова, «через философствование – методом мышления, которое ищет *истину*; через веру в религии, которая выражает *добро*; и через творчество в искусстве, которое созидает *красоту*» [там же. Курсив мой. – *I. P.*]. Проведя круг и соединив вершины указанного равностороннего треугольника, пишет С. Нижников, мы получаем Любовь, высшую форму духовного отношения человека к миру. Именно любовь выражает собой принцип возрастаания жизни, пришедшей к своему самосознанию через человека. «Любовь – существо самой жизни и представляет собой духовный архетип человечества, который раскрывается экзистенциально через развертывание сущности человека. Любовью соединяется человек с бытием, и с Богом, с близким и с собственной душой. Именно любовь связует воедино истину, добро и красоту, являя в этом высшем синтезе духовный архетип человечества» [там же, с. 183]. Если душа человека движима лю-

бовью, замечает С. Нижников, это говорит о достижении ею высшего совершенства. «В любви человек познает не только Другого, но и самого себя, сущность мира, бытия, Бога» [15, с. 183].

Итак, человек по своей сущности в соответствии со своей духовной природой движим любовью, стремится к постижению истины, добра в отношении к Другим и строит свой мир по законам красоты и гармонии. Но откуда же тогда возникают жестокость, садизм, агрессивность, лживость, цинизм, бесчеловечность? Ответ на этот вопрос в теории давно найден и многократно повторяется в различных вариациях. «Человечность человека покоится в его сущности, т. к. бесчеловечным, негуманным называем мы человека, отпавшего от своей сущности (*Хайдеггер*). <...> Из такого забвения человеком самого себя и вырастает духовный кризис человечества как потеря человеком человечности, гуманизма, своего лица. От человека его сущность скрывает и техника, и его собственная неодухотворенная чувственность» [15, с. 182]. Чувственность манифестирует интересы материального мира и телесного бытия человека. Но человек, как обитатель двух миров, имеющих онтологически различную природу, вынужден осуществлять координацию взаимодействия этих миров в своей жизни. «Человек посредством *совести* осуществляет их координацию, строит мир эмпирический по законам мира идеального. Совесть связует поступок человека с его идеалом» [там же, с. 183. Курсив мой. – И. Р.]. Как известно, совесть называют квинтэссенцией человеческой личности. «Поступая по совести, личность совершенствует внутренний мир, преступая совесть – утрачивает человечность» [7, с. 11].

Духовность и нравственность

Из определения места совести непосредственно следует представление о нравственности. Если вести речь о принципах нравственного бытия, необходимо определить и обозначить основные его функции. В этом отношении хотелось бы сослаться на публикацию работы А.В. Маслихина, который называет **человечность** важнейшей функцией нравственного бытия. «Человечность концентрируется во внутреннем мире людей, является родовым свойством человека, главным образом действует на уровне непосредственной жизнедеятельности. Человечность – это объективация духовного потенциала личности в окружающем мире» [7, с. 10]. Как отмечает Маслихин, человечность

во многом проявляется в гуманизме, это понятия однопорядковые, но не тождественные. «Человечность вбирает в себя гуманизм в качестве общего и всеобщего, а гуманизм – человечность в единичных и уникальных проявлениях жизни» [7, с. 11].

Итак, нравственность базируется на принципах человечности и гуманизма и сущностно связана с духовностью, являясь одной из форм ее проявления. «Нравственность “нравственна” лишь тогда, когда она рождается из глубин духовного. В духовном мире нечто приобретается лишь через самоотдачу и жертву» [15, с. 182]. Эти самоотдача и жертва представляют собой процесс выхода человека за пределы своих имманентных границ, интересов эмпирического мира в мир идеальный, мир духовных ценностей. Как подчеркивает С. Нижников, «сущность человека развертывается, проходя этапы трансцендирования своего наличного бытия, но трансцендирование, которое не захватывает глубины экзистенциального бытия человека, будет лишь пустой фразой или формой. <...> Сущность человека становится явной лишь в растяжении, в напряжении между трансцендентным и имманентным, где одно без другого неосуществимо. Лишь в этой растянутости-распятости человек способен “увидеть” самого себя, т.е. осуществлять духовное познание» [там же]. И здесь закономерно возникает «детский» вопрос: **зачем** человеку нужно видеть и понимать самого себя? Нельзя ли обойтись без лишних вопросов и проблем? Возможно, кому-то это удается. Но жизнь без самоанализа, без рефлексирования и самотрансцендирования часто приносит ощущение неполноты, несовершенства и в результате может показаться лишенной смысла, поскольку при этом неизбежно будет происходить отступление от родовой сущности человека.

Духовность и проблема самосовершенствования

Важнейшей характеристикой родовой сущности человека считается стремление к богоподобию. Как подчеркивает Жеребилов, путь стяжания богоподобия является единственной дорогой, ведущей к гармоничному развитию человека, а через него – и к гармонии таких сложноорганизованных систем, как человеческое сообщество и планета Земля. «Нелегок путь стяжания богоподобия, но каждый должен пройти его самостоятельно» [4, с. 69]. По сути об этом же говорит М.Н. Эпштейн, но несколько иными словами. Речь идет о втором, ду-

ховном рождении человека, которое Эпштейн называет **вочеловечением** и подчеркивает, что нравственный смысл вочеловечения совпадает с категорическим императивом И. Канта. «Для вочеловечения необходимо второе, духовное рождение, или своего рода “крещение” в человечество, т.е. сознательное принятие на себя миссии быть человеком – как приоритетной по отношению ко всем другим миссиям. <...> Вочеловечение – это новое воссоединение индивида с человечеством, уже как цель и возможность личностного развития» [25, с. 174–175].

Однако стремлению к богоподобию и личностному развитию закономерно должен предшествовать процесс самопознания (он же – процесс познания Бога), поскольку чтобы продвигаться по пути вочеловечения, необходимо видеть впереди цель, **знать**, куда и зачем идти. З.А. Миркина пишет об этом следующее: «Вопрос о Боге надо обратить из вне во внутрь. <...> Да, вопрос о Боге это вопрос о себе. Богопознание это *самопознание*. Познание себя до последней глубины. До сути. Путь в эту глубину трудный. Может быть, ничего нет труднее этого пути. И ничего нужнее. Тот, кто дошел до своей сути, узнал на опыте, что в глубине глубины нашей *есть* что-то, что одолеть нельзя» [12, с. 333].

Самой своей природой мы обречены и приговорены к самопознанию и стремлению к самосовершенствованию. «Стремление к совершенствованию свойственно самой нашей природе; оно есть, собственно, освещенное сознанием естественно-необходимое развитие. По природе мы любознательны и любим нравственно-прекрасное» [22, с. 117–118]. Как отмечает М. Тареев, с библейской точки зрения это стремление есть зло, «потому что оно есть стремление человека стать на место Бога, лично быть центром бытия...» [там же, с. 118]. Зло этого стремления, по словам М. Тареева, совпадает с недостижимостью его цели: «Божественное недоступно человеку в предикате абсолютного совершенства, для конечного недостижимо бесконечное» [там же]. Касаясь психологического аспекта данного стремления, М. Тареев отмечает, что с этой точки зрения зло стремления к совершенству обнаруживается в том, что человек, представляя себе совершенство достижимым, «необходимо ограничивает его в своем понимании, заменяет его внешним символом, помещает его в каком-нибудь определенном пункте своего развития и потому последнее уже не может совершаться свободно...» [там же]. Как утверждает М. Тареев, стремление к нравственному совершенству, как и к личному абсолютному совершенству в

других областях, «порождается эгоизмом и порождает зло, т.е. препятствует самому нравственному развитию» [22, с. 122]. Это стремление он сравнивает с желанием человека, идущего вверх по лестнице, прыгнуть с третьей ступени на самую верхнюю: он упадет еще ниже третьей ступени. «Действительно развивается в нравственном отношении тот, кто любит нравственную чистоту, но не ставит для себя задачею достигнуть личного абсолютного совершенства» [там же]. Важно подчеркнуть, что М. Тареев резко различает стремление к *совершенству* и стремление к *совершенствованию*. «Стремление к совершенствованию, иначе сознанное естественно-необходимое развитие, заставляет человека познать свою природную ограниченность; стремление же к совершенству, – самолюбивое стремление к личному самодовольному обладанию абсолютным совершенством, желание “быть как Бог”, порождает зло – заблуждение, нравственное зло и безобразие» [там же, с. 124]. Только актом личной воли, подчеркивает М. Тареев, человек может подавить в себе стремление к личному обладанию абсолютным совершенством. «Но он не в состоянии уничтожить в себе стремление к совершенствованию, которое дает ему опытное познание своей природной ограниченности и наследственно-го зла» [там же, с. 125].

Н.А. Бердяев о главной задаче человеческой жизни

При любом подходе к указанной теме нельзя обойти вниманием концепцию Н.А. Бердяева, который полагал главной задачей человеческой жизни именно *завоевание духовности* (что представляет собой по существу синоним выражения «*стяжание богоподобия*»). Его рассуждения об этом могли бы стать девизом для любого, кто задумывается о смысле жизни. Согласно Бердяеву, бытие личности в подлинном смысле слова только и возможно при раскрытии в ней духовных начал. (Причем в его концепции понятия «духовность» и «человечность» неразрывно связаны.) Как утверждает Бердяев, духовное начало в человеке имеет трансцендентное основание и тесно связано с божественной духовностью.

Особенно рельефно и ярко вырисовывается эта концепция у позднего Бердяева, когда он «окончательно разочаровался в идее исторического прогресса и объявил войну не только миру природы, но и миру истории, противопоставив им абсолютно суперенную, предстоя-

щую лишь Богу человеческую личность» [24, с. 102]. Как отмечается в монографии Ю.Ю. Черного, центральными категориями философии позднего Бердяева оказываются понятия духа, его направленности (интенции) и объективации. Придя к выводу о невозможности достижения Царства Божия на земле в мире социума, Бердяев «переносит все свои упования на отдельного человека и связывает надежды по реализации совершенного мироустройства с его личной творческой активностью. Бердяев предлагает каждому человеку осознать себя членом мистической эсхатологической Церкви Святого Духа, уже неизримо присутствующей в мире как союз личностей, противостоящий миру объективации» [там же, с. 103]. Именно с этими его чаяниями связано представление о **новой духовности**, духовности богочеловеческой, в утверждении которой важнейшая роль отводится человеческой личности. С вступлением в эпоху новой духовности, в **новый эон**, как выражается Бердяев, связано, полагает он, ослабление духовности перед новым всплеском (как известно, тьма сгущается перед рассветом).

Как утверждает Бердяев, «дух есть начало синтезирующее, поддерживающее единство личности. Человек должен все время совершать творческий акт в отношении к самому себе» [3, с. 323–324]. Однако, замечает Бердяев, парадокс главной задачи человеческой жизни заключается в том, что рост духовности осуществляется заключенной в человеке духовной же силой. Этот рост не может быть результатом недуховных состояний. «Высшее никогда не получится из низшего, не заключающего в себе никаких зачатков высшего, никаких его потенций. Духовное развитие есть актуализация возможного» [там же, с. 321]. Иными словами, пробуждение духовной силы означает, что она всегда была, но в скрытом, непробужденном состоянии. И это глубоко скрытое состояние, потенциальная духовная сила человека, есть, по словам Бердяева, не только человеческое состояние, но также богочеловеческое. «Духовность есть богочеловеческое состояние. Человек в духовной своей глубине соприкасается с божественным и из божественного источника получает поддержку» [там же, с. 322]. Важным качеством новой духовности Бердяев считает ее неразрывную связь с принципом свободы. «Дух есть свобода и свободная энергия, прорывающаяся в природный и исторический мир. Необходимо утверждать относительную правду дуализма, без которого непонятна независимость духовной жизни. Но это не есть дуализм духа и материи, или

души и тела. Это есть прежде всего дуализм свободы и необходимости. Дух есть свобода, а не природа. Дух есть не составная часть человеческой природы, а есть высшая качественная ценность. Духовная качественность и духовная ценность человека определяются не какой-либо природой, а сочетанием свободы и благодати» [3, с. 321]. Благодать есть божественная энергия, питающая собой духовный пласт человеческой души.

В качестве примера такого соприкосновения человеческой души с божественной энергией можно указать на опыт духовного становления самого Н.А. Бердяева. Как отмечает в своей статье В.И. Красиков, «это индивидуальность, претерпевающая второе, духовное рождение, превращающаяся в личность, чье ненормальное (с видовой точки зрения) развитие протекает в тотальной конфронтации с повседневностью и в безумном рывке к свободе и трансценденции» [5, с. 295]. Альфа и омега духовного пробуждения, «поворота к духу», который пережил Бердяев на пороге отрочества и юности, – это, по словам Красикова, «уверование в первичность реальности духа и вторичность, отраженность так называемого “объективного мира”… По сути это есть открытие свободы и бесконечного мира, которое произошло, как вспоминает Бердяев, не через Библию, а через философию А. Шопенгауэра. <…> Бог присутствует лишь в свободе и действует лишь через свободу. Свобода, бесконечность и индивидуальность – принципы организации трансцендентного мира в противоположность миру обыденному» [там же, с. 296]. Бердяев называет свободу целевой формой существования индивидуального сознания на путях персонализации. «Собственно жизнь оказывается овладением искусством “быть свободным”, когда переописываются, переинтерпретируются отношения сознания с миром» [там же, с. 300–301]. Красиков видит главную экзистенциальную привлекательность свободы в сопряжении с жизненным подъемом успешности, уверенности в себе.

Духовность и проблема свободы

Но у свободы есть и оборотная сторона. И это не только индивидуальная форма расплаты в виде скуки, тоски и тяжелых депрессий. Подчас общество вынуждено расплачиваться за превратно понятую свободу в действиях отдельных индивидуумов с пониженной социальной ответственностью и ослабленной духовностью. Ведь стоит только ис-

сякнуть или ослабить силе Святого Духа (который в идеале должен стоять на страже нравственных устоев человека и общества), как верх в человеке могут взять низменные страсти и темные инстинкты – зависть, алчность, жажда отомстить тому, кто добился каких-либо успехов в жизни, но не пожелал поделиться своими благами с товарищами. Вызывает шок сообщение о трагических событиях в деревне Мочалово Калужской области, когда человеческая зависть, агрессия и злоба привели к уничтожению крепкого хозяйства, разорению семьи и пропаже без вести человека [см.: 8]. Так и хочется спросить у Бога: Боже! Нужна ли современному человеку такая степень свободы воли? Может быть, надо, чтобы у тех, кто убивает и поджигает дома, отсыхали руки и они превращались в соляные столбы? Для всех очевиден риторический характер такого вопроса. Ясно, что человеку дана безусловная свобода воли, которая предполагает и свободу зла, а вся панорама развития свободы человека разворачивается как историческая драма борьбы природного и духовного начал в человеке. И ареной этой борьбы становится человеческая душа. Можно согласиться с З.А. Миркиной в отношении того, что наша задача – погружение в глубинные слои своей души с целью обрести то единство, которого до сих пор не нашел мир, и обретение это становится возможным через *внутреннюю свободу*. «Внутренняя свобода и есть свобода Того, Кто находится внутри нас, глубоко внутри, в самой последней глубине нашей. Это свобода Бога, запертого в нашем сердце и оглушенного шумом наших страстей, заключенного в клетку нашего “эго”. Внутренняя свобода – это простота и подлинность живого и вечного в нас. Отбросить все лишнее, все показное – и вдруг выйти на чистый воздух, где можно глубоко и полно дышать» [13, с. 414]. В своем эссе «О том, что не утекает» З. Миркина делает важное пояснение по поводу понятия свободы: «Истинно свободная душа – только та, которая *включает* внутрь себя все живые души и никого не исключает» [10, с. 334]. Иными словами, истинно свободная душа – это та, которая способна обять собою бесконечность, вместить в себя вселенную. З. Миркина называет жизнь «школой безграничности»: «Да, жизнь – это школа безграничности, школа открытости. И если мы при жизни были плохими учениками, как нам будет трудно потом, когда безграничность обступит со всех сторон и от нее уже не спрячешься» [10, с. 364]. В описании духовного пути М. Цветаевой З.А. Миркина замечает: «Душа наша знает больше нас. Душа наша бесконечна и бездон-

на. Она больше нас настолько же, насколько небо и море больше нас. Но когда мы видим небо и море, <...> когда мы воистину останавливаемся и затихаем, замираем на берегу Бесконечности, – нас вдруг охватывает чувство высшей жизни. Мы ощущаем тогда, что Бесконечность эта не чужая нам, что, может быть, она роднее всех вещей, всех привязанностей. Она не только перед нами, над нами. Она – в нас. У нас внутри – Тайна. <...> Тому, кто полюбил Безмерность, кто призван Ею, надо добиться Ее взаимности. Первый шаг к этому – отталкивание от прежних взаимностей с миром, с вещами, разрушение прежних границ. <...> И через эту полную разъятость, полную дисгармонию пробиться к гармонии высшей, космической, к чувству единства со всем миром, чувству Всеселости» [11, с. 162–163].

Духовность и творчество

Обретая чувство единства со всем миром, чувство высшей, космической гармонии, душа обретает тем самым способность к расширению и углублению этого мира, к созданию «того, чего не было ранее», иными словами, способность к **творчеству**.

Само понятие творчества является весьма емким и многозначным. Представляет интерес определение этого понятия у З.А. Миркиной: «Творчество не есть придумывание, изобретение чего-то нового, что возникает, имеет начало – и будет иметь конец. Творчество (истинное) есть проявление вечного, проявление, т.е. делание тайного явным... <...> Есть тайна творчества. Творчество – это таинство» [9, с. 31].

Провозглашая в своих поздних трудах идею нового человека, новой духовности, новой этики, Бердяев подчеркивает, что «новая этика нового человека будет прежде всего этикой творчества» [3, с. 320].

Говоря о специфике бердяевской концепции творчества, нельзя не отметить его принципиального разделения (и даже противопоставления) между собственно творческим актом, который он трактовал как первичный, внутренний акт, и его конечным результатом, т.е. продуктом. Специфика его понимания творчества выражена в следующих словах: «Повторяю, что под творчеством я *все время* понимаю *не создание культурных продуктов*, а потрясение и подъем всего человеческого существа, направленного к иной, высшей жизни, к новому бытию» [6, с. 154]. Кудаев подчеркивает, что, с точки зрения Бердяева, цennыми и подлинными являются лишь «внутренние» творческие ак-

ты, когда человек «как бы стоит перед лицом Божиим» и еще не занят «реализацией в мире и для людей» [1, с. 118]. Эти внутренние творческие акты выражаются, как замечает Кудаев, в особом эмоционально-психологическом состоянии художника-творца, «в состоянии озарения, потрясения, подъема, творческого экстаза, которые, с его (Бердяева. – И.Р.) точки зрения, только и позволяют человеку “прорваться за пределы” этого материального мира, мира необходимости и объективации, несвободы и вражды к тому высшему божественному миру свободы...» [6, с. 154]. Иными словами, творчество представляло для Бердяева прежде всего как прорыв за пределы «мира сего», как трансцендирование. Творчество означает для Бердяева «переход души в иной план бытия» [1, с. 121], являясь не столько оформлением в коначном творческом продукте, сколько «раскрытием бесконечного», «полетом в бесконечность», трансцендированием. Как подчеркивает Кудаев, подлинной целью творчества, согласно Бердяеву, является созидание иного бытия, новой жизни. Но в том-то и состоит трагедия творчества, что цель его оказывается недостижимой, ибо вместо «новой жизни» создаются лишь «продукты творчества», продукты культуры, «материальные аналоги». «Но это и означает, что подлинная цель творчества не только не достигается, но и не может быть достигнута в этом мире. И это, пожалуй, самая “роковая неудача” человеческого творчества, которая звучит как последний финальный аккорд всей творческой трагедии художника» [6, с. 155]. Но творческую трагедию, согласно Бердяеву, осознает и понимает как таковую далеко не каждый занимающийся творчеством человек. Только на самых «высших ступенях» творческой жизни и раскрывается та «непроходимая бездна», «отделяющая подлинные цели истинного творчества от творимой культуры, их несоизмеримость и неразрешимый трагический конфликт, который, кстати, и порождает, в конце концов, ту неистребимую жажду подлинного творчества, результатом которого могло бы стать реальное, онтологическое, а не только культурно-символическое, преображение мира, жажду творчества “новой земли и нового неба”. И в этом смысле трагедия оказывалась очень важным внутренним побудительным мотивом – и спасительным средством, – выводящим творчество на новый, более высокий уровень развития, который сам автор видел в теургии...» [там же, с. 156]. Трагедия творчества, замечает Кудаев, ссылаясь на слова Бердяева, уходит своими корнями в глубоко трагическую природу человека.

Концепция трансцендентального человека у Н.А. Бердяева

Рассматривая бердяевскую концепцию творчества, невозможно обойти вниманием понятие ***трансцендентального человека***. Именно в этом понятии концентрируется представление Бердяева о человеке как существе духовном. В отличие от человека эмпирического, трансцендентальный человек несводим к физическому миру и не может быть объясним из него. Для характеристики этого образа человека Бердяев применял также следующие эпитеты: «внутренний», «духовный», «небесный», «божественный», «творческий», «экзистенциальный». Кроме того, как утверждал Бердяев, «он есть свобода». Как замечает Кудаев, только благодаря трансцендентальному человеку стали возможны и Божественное откровение, и постижение истины, и вера, и благодать, «и продвижение человека по пути его очеловечивания, т.е. становление его собственно Человеком. Одним словом, если подытожить все возможности трансцендентального человека, то можно сказать, что его существование является необходимой предпосылкой и одновременно важнейшим условием возможности собственно духовного опыта человека, как бы *a priori* этого опыта, без которого нет и самого человека» [6, с. 149]. Таким образом, бытие трансцендентального человека оказывается необходимым условием возможности творческих потенций человека. Именно в силу перечисленных качеств, подчеркивает Кудаев, «трансцендентальный человек обладает такими возможностями, которые земной, социально-природный человек не может иметь по определению. И хотя этот внутренний человек, говоря словами автора, из другого – высшего – мира, мира “свободы”, однако он не закрыт для земного мира и происходящих в нем процессов. Более того, именно благодаря его существованию только и возможно было все то великое, что создано человеком в истории, когда он преодолевал себя и возвышался над собой как исключительно природным существом» [там же, с. 148].

Концепция творчества у В.И. Самохваловой

Итак, дух есть начало, общее для человека и Бога. А главный импульс духовности – это творчество. «Человеку как разумной и сознательной форме жизни дана возможность творчества – по образу и подобию Бога, но оно должно совершаться *в согласии* с данными Им че-22

ловеку образцами – своего рода “алгоритмами” и “парадигмами” – и осуществляться на *его, человеческом*, уровне бытия. Так, Бог создал мир, человек же – создал культуру как *свой* человеческий мир, мир человеческих ценностей и смыслов...» [20, с. 24]. Как замечает В.И. Самохвалова, именно творчество поднимает человека к вершинам духа и само, по сути, является диалогом с Высшим началом. Как известно, В.С. Соловьёв рассматривал состояние творческого вдохновения как ощущение присутствия мистической связи с Высшим началом, когда человек в некотором смысле уподобляется Богу. Создание культуры, как подчеркивает В.И. Самохвалова, есть результат человеческого стремления преодолеть свою пространственную и временную ограниченность, оно стало зримой победой «над бесконечностью пространства и невообразимой неизмеримостью времени» [там же, с. 145]. «Являясь существом, которое онтологически несоизмеримо с пространством и временем Вселенной, будучи слаб и смертен плотью, человек в культуре силой своего духа создал формы и способ утверждения своего бытия» [там же]. Итак, осознание человеком своего положения в огромном и бескрайнем пространстве Вселенной, а также понимание своей конечной и смертной природы, страх уйти навсегда и бесследно раствориться в вечности заставляют человека создавать «вторую природу», материальную цивилизацию. Однако, подчеркивает В.И. Самохвалова, когда человек открывает в себе свою истинную, духовную природу, он начинает чувствовать свою причастность к бесконечному и бессмертному духу. «Это сознание помогает ему победить страх смерти, и эта победа его духа и рождает человеческую культуру, запечатлеваящую его мужество, его порыв к истине, добру, красоте, своим бескорыстием бросающий вызов небытию» [там же]. Таким образом, именно в культуре реализуется творческая сущность человека. Культура символизирует направленность, устремленность человеческого бытия к совершенству. Весь мир культуры есть воплощение духовных сил человечества в лице его отдельных представителей. Недаром П.А. Флоренский называл человеческую душу ареной борьбы между хаосом как мировым беспорядком и культурой, которая не только противостоит хаосу, но и «образует общий ряд с антиэнтропией (эктропией) и гармонией, которая, в свою очередь, противоположна частичности, фрагментарности, выступающим следствием разлада и распада духовной жизни, т.е. греха» [там же, с. 146]. Именно в культуре формируются представления об идеале человека, но «неза-

висимо от всех других представлений об идеале неизменной его характеристикой выступает *творческая способность*, основанная на владении наследуемой культурной традицией, умении приобщиться к ней и представленному в ней культурному богатству человечества» [20, с. 148].

Но, как известно и как было упомянуто выше, культурное и духовное богатство человечества поконится на «трех китах» – Истине, Добре и Красоте, единство и гармонию которых венчает Любовь как высшая ценность духовной жизни.

Г.С. Померанц о красоте и ее месте в душе человека

Что касается красоты, то, как полагает Г.С. Померанц, «всякая не совсем растоптанная душа содержит в себе некий *высший образ*. Когда красота расправляет душу, высший образ расправляется вместе с ней. <...> Без непосредственного восприятия красоты, разлитой в мире духа, веющего повсюду, а не только в церкви, – высший образ мертвает, становится буквой, книгой, кумиром. Но и обратно, без высшего образа, без стержня, направляющего наше созерцание Бога, разлитого в природе и в людях, человеческой душе слишком *трудно сбыться*, слишком легко запутаться в блужданиях и не только не сбыться, а совсем сбиться» [18, с. 31].

Что понимает Г.С. Померанц под «высшим образом»? По-видимому, речь идет об идеале духовности, который может служить ориентиром и критерием подлинной духовности, дающим возможность избежать подмены. Вспомним слова Бердяева о том, что духовная «качественность» человека определяется сочетанием свободы и **благодати**. Для благодати открыт каждый человек. «В отдельную минуту каждый может становиться ближе ей или дальше, иногда даже чувствует это, но по природе *все* люди, и умные, и глупые, и способные парить в поднебесье, и умеющие только вскакивать на забор, – одинаково открыты Святому Духу, который веет, где хочет, и не заботится, дуб он нагибает или травинку. Конечно, действие благодати в сильном существе будет сильнее – но ведь это опять-таки наш профанический счет, наше человеческое ухо, которое шум дуба слышит лучше, чем шорох травы» [там же, с. 67].

И снова о благодати

Иеромонах Оптинский Василий (в миру – Игорь Росляков), погибший мученической смертью в пасхальное утро 1993 г., в своих дневниках называл сердце, лишенное благодати, «обнищавшим». «Укрепить свое сердце, наполнить его благодатью и одолеть, подчинить тело сердечным стремлениям и намерениям – вот задача. Поставить сердце во главу, сделать его владыкою своего существа и отдать его в подчинение Христу за ту милость и ту благодать, которою Господь и укрепил и обновил это сердце» [23, с. 204]. И далее: «Благодать невидима, недомыслима, непостижима. Узнаем о ней только по действию, которое она производит в уме и в душе, по плодам ее: “Плод же Духа, – говорит Апостол, – есть любовь, мир, долготерпение, кротость, вера...”

Все это не наше – но дело благодати. Если будем видеть постоянно, что это не наше, то удержим благодать. А если что-то присвоим себе, то все потеряем» [там же, с. 208].

Итак, Божья благодать привносит в человеческую душу такое умиротворение и ощущение счастья, которые также обозначаются как благодать (в данном случае этот термин употребляется уже не в религиозном, а в светском значении). Но если человек утрачивает способность испытывать умиротворение, счастье и чувство любви к окружающему миру и другим людям, он может уже звать на помощь и говорить о богооставленности.

Богооставленность, или Кризис духовности

Говоря о «терзающих душу муках богооставленности» Г.С. Померанц подчеркивает, что богооставленность выражается в утрате духа творчества. «А если душа закрыта для него и даже тоски о нем не чувствует, остается жажда наживы. Наживы денег, дающих власть. Наживы власти, дающей деньги. Или, на худой конец, – недолгий чувственный восторг, водка, героин и смерть» [19, с. 117].

О трагедии человека, одержимого страстями, пишет Н.А. Бердяев: «Самое ужасное в человеческой жизни – это автономия и изоляция разных сфер душевной жизни, отрыв от центра, подчиняющего высшему смыслу, и образование изолированных миров. <...> ...ужасно образование... автономных и изолированных душевных миров, напр.

мира властолюбия и честолюбия, или мира наживы и обогащения, или мира ненависти. Человек, одержимый страстью, образовавший свой автономный мир, сам страдает и причиняет страдания другим. Изолированная, неодухотворенная страсть вызывает бесконечное, невыносимое алчание. Она порождается разрывом с духовным центром человека и разрывом самого центра с первоисточником всякой жизни в мире, т.е. в конце концов все сводится к разрыву богочеловечности» [3, с. 294–295]. Разрыв богочеловеческой связи приводит к страшной разобщенности между людьми и даже вражде, как уверяет Бердяев, поскольку лишь на основе этой (богочеловеческой) связи возможно подлинное единение людей. «Мучительность и драматизм человеческого существования в значительной степени зависят от закрытости людей друг для друга, от слабости той синтезирующей духовности, которая ведет к внутреннему единству и единению человека с человеком» [там же, с. 313]. Человек, по словам Бердяева, более нуждается в психосинтезе, чем в психоанализе, который сам по себе «может привести к разложению и распаду личности» [там же, с. 324].

Как уже было упомянуто, современную эпоху Бердяев называл эпохой богооставленности, утраты подлинной духовности, мечтал о возможности новой духовности, духовности богочеловеческой. «Творчество, свобода, любовь будут более всего характеризовать новую духовность. Она должна ответить на муку мира, на непереносимые страдания человека. Старая духовность сейчас не дает ответа. Но перед излияниями света неизбежно сгущение тьмы. Перед новым напряжением духовности возможно видимое ослабление духовности. <...> Ожидание новой духовности есть ожидание нового откровения Св. Духа в человеке и через человека» [3, с. 325–326].

Богооставленность и «звездный ужас»

Обращаясь к содержанию стихотворения Н. Гумилёва «звездный ужас», Г.С. Померанц пишет о невозможности представить себе бесконечность пространства и времени. Попытка измерить и постичь бесконечность, заглянуть в бездну для эмпирического человека может обернуться ощущением ужаса, страха, потерянности и неприкаянности. Но страх бездны можно побороть. «Только огонь в груди гасит ужас бездны, бездны пространства, где тонет все земное, бездны смерти, бездны слепой судьбы, бездны человеческой неблагодарности

и несправедливости» [17, с. 546]. Озаренная внутренним огнем, пишет Померанц, бездна становится твоим собственным великим океаном, «и ты растворяешься в нем. Чужое становится своим, родным, и твое собственное лицо – лицом мира, лицом того, что только что казалось бездной, раскрывшей свою пасть» [там же].

Но противостоять страху перед бездной человек способен именно в силу того, что он есть, по словам Бердяева, живое противоречие, со-вмещение конечного и бесконечного. «Человек и очень ограничен и бесконечен, и мало вместителен, и может вместить вселенную» [3, с. 313]. Иными словами, именно таящийся в эмпирическом человеке человек «трансцендентальный» (о чем упоминалось выше) и обеспечивает ему эту загадочную способность превосходить свои, казалось бы, весьма ограниченные способности и возможности и «прыгать выше головы». Именно эта таинственная и загадочная двойственная природа человека делает его «подданным двух миров», вызывает в его душе постоянную неудовлетворенность конечным, эмпирическим, окружающим его миром и устремленность к бесконечному, «тоску по трансцендентному», как сказал бы В.И. Красиков. Р.М. Перельштейн в своем эссе отмечает: «Нет таких слов, которыми можно было бы выразить окончательно сокровенную тайну мира, и нет такого языка, на котором можно было бы с последней точностью описать Того, Кто стоит за этой тайной. Но есть глубина, на которой тайна открывается нам, причем, открывается не сразу. Об этой глубине и на этой глубине говорят пророки. Через них мы узнаем и будем узнавать что-то новое о нашем сердце, которому *нет предела*. Границу имеет только внешняя оболочка человека, связанная с принадлежностью к той или иной социальной общности, национальности, к тому или иному вероисповеданию. Сердцевина же нашего существа распахнута в беспределность» [16, с. 405].

Этим словам вторят слова З. Миркиной, которая, ссылаясь на архиепископа Рамзая, замечает: «Да, душа – это бездна, заполнить которую может только Бог!.. И настоящая полнота жизни приходит только тогда, когда душа заполняется Богом. Хотя отгородиться от Него гораздо легче, чем открыться Ему. Защититься от него – это защититься от Бесконечности. Бесконечность в тебе самом. И защититься от нее – значит защититься от себя, от бесконечной жизни. А это значит, в конце концов, – омертветь» [14, с. 322].

О преодолении кризиса духовности и духовном здоровье общества

О кризисе духовности и утрате нравственных ориентиров в обществе пишут многие исследователи, отмечая парадоксальность ситуации в том, что этот кризис возникает и развивается на фоне резкого улучшения условий жизни людей. Полагаю, что в этом нет ничего парадоксального. Также считаю ошибочным выводить кризис духовности из экологического кризиса, поскольку, на мой взгляд, соотношение прямо противоположное. А именно: кризис духовности порождает кризисные явления во всех областях жизни общества. Это приводит к утрате подлинно религиозного чувства, девальвации абсолютных ценностей, потере авторитетов, дезорганизации жизни и утрате смыслоложественных ориентиров. Именно он порождает и экологический кризис, и падение нравственности. Как отмечает Р. Перельштейн в своей заметке памяти Г.С. Померанца, «за раскрепощением души от моральных норм... Померанц видит куда как большую опасность – потерю чувства духовной иерархии» [16, с. 401].

С проблемой преодоления кризиса духовности неразрывно связано представление о *духовном здоровье* человека и общества, о способах его поддержания и укрепления. Духовное здоровье человека невозможно без разумного и гармонического взаимодействия души и тела. Об этом пишет Жеребилов: «...подавляющее большинство людей находится на той стадии отчуждения сознания, когда подсистема “тело” уже не может безраздельно управлять организмом, а подсистема “душа” еще не в силах делать это. Вот и получается, что система индивида раздирается противоречиями. В этом же кроется причина провала многочисленных утопий. Потому что, восприняв умом какую-либо благую идею, человек просто не в силах был следовать ей до конца, ибо тело требовало свое, подавляло волю ума. Для таких людей можно было бы предложить более умеренный подъем, позволяющий избежать как падения в пропасть скотоподобия, так и головокружения от бездны отчуждения. Другими словами, речь идет о необходимости поиска того “золотого сечения”, которое обеспечит оптимальное соотношение между духовными и биологическими потребностями и позволит мудрому и правильному индивидуальному сознанию руководить организмом индивида, согласуя в нем и через него потребности низших уровней самоорганизации с требованиями высших уровней» [4, с. 72].

О проблеме духовного здоровья общества как глобальной цивилизационной проблеме пишет в своей монографии Л.В. Скворцов, отмечая, что проблема критерия духовного здоровья и его отличия от духовного заболевания приобретает все более актуальное значение. «Это – проблема истины духовной перспективы человечества как условия его самосохранения» [21, с. 365].

Список литературы

1. *Бердяев Н.А.* О назначении человека. Опыт парадоксальной этики // *Бердяев Н.А. О назначении человека.* – М.: Республика, 1993. – С. 20–252.
2. *Бердяев Н.А.* Самопознание. Сочинения. – М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 1999. – 400 с.
3. *Бердяев Н.А.* Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого // *Бердяев Н.А. О назначении человека.* – М.: Республика, 1993. – С. 254–367.
4. *Жеребилов Г.Ю.* Оправдание человека. Путь стяжания богоподобия // Полигнозис. – М., 1998. – № 2. – С. 61–73.
5. *Красиков В.И.* Н.А. Бердяев: тоска по трансцендентному // *Красиков В.И. Конструирование онтологий. Эфемериды.* – М.: Водолей: Publishers, 2007. – С. 295–301.
6. *Кудаев А.Е.* Антропологические основы концепции трагедии творчества в эстетике Н.А. Бердяева // Полигнозис. – М., 2010. – № 4. – С. 147–162.
7. *Маслихин А.В.* Человечность – функция нравственного бытия // Проблема человека: Мультидисциплинарный подход: Сб. тезисов конференции. – М.: ЗАО «ОЛИТА», 1998. – С. 10–13.
8. Трагедия в деревне Мочалово // Мир новостей. – М., 2019. – 29.05.
9. *Миркина З.А.* Истина и ее двойники // *Миркина З.А. Избранные эссе. Пушкин. Достоевский. Цветаева.* – 2-е изд. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. – С. 10–62. – (Серия «Humanitas»).
10. *Миркина З.А.* О том, что не утекает // *Померанц Г.С., Миркина З.А. В тени Вавилонской башни.* – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 223–365. – (Серия «Humanitas»).
11. *Миркина З.А.* Огонь и пепел (духовный путь Марины Цветаевой) // *Миркина З.А. Невидимый собор.* – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. – С. 98–250. – (Серия «Humanitas»).
12. *Миркина З.А.* По образу и подобию // *Померанц Г.С., Миркина З.А. Спор цивилизаций и диалог культур (Лекции и статьи нулевых годов).* – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив: Университетская книга, 2014. – С. 331–336. – (Серия «Humanitas»).
13. *Миркина З.А.* Свобода внутренняя // *Померанц Г.С., Миркина З.А. Спор цивилизаций и диалог культур (Лекции и статьи нулевых годов).* – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив: Университетская книга, 2014. – С. 414–415. – (Серия «Humanitas»).

14. Миркина З.А. Смысъл красоты // Померанц Г.С., Миркина З.А. Спор цивилизаций и диалог культур (Лекции и статьи нулевых годов). – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив: Университетская книга, 2014. – С. 313–322. – (Серия «Humanitas»).
15. Нижников С.А. Духовное познание // Культурология. XX век: энциклопедия / гл. ред. С.Я. Левит. – СПб.: Университетская книга: Алетейя, 1998. – Т. 1. – С. 181–183.
16. Перельштейн Р.М. На глубине бытия // Померанц Г.С. Дороги духа и зигзаги истории. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. – С. 398–413. – (Серия «Российские Пропилеи»).
17. Померанц Г.С. Выход из транса. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. – 592 с. – (Серия «Российские Пропилеи»).
18. Померанц Г.С. Сны земли. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. – 464 с. – (Серия «Российские Пропилеи»).
19. Померанц Г.С. Творчество и нажива // Померанц Г.С., Миркина З.А. Спор цивилизаций и диалог культур. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив: Университетская книга, 2014. – С. 116–119. – (Серия «Humanitas»).
20. Самохвалова В.И. Творчество: божественный дар; космический принцип; родовая идентичность человека. Научное издание. – М.: РУДН, 2007. – 538 с.
21. Скворцов Л.В. Цивилизационные размышления: концепции и категории постцивилизационной эволюции. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. – 384 с. – (Серия «Humanitas»).
22. Тареев М.М. Избранное. Философия жизни. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2019. – 400 с. – (Серия «Российские Пропилеи»).
23. «Хотим или нет, но величит нас Бог...». Дневники, духовные беседы, стихи иеромонаха Василия (Рослякова). – М.: Параклит, 2002. – 239 с.
24. Черный Ю.Ю. Философия пола и любви Н.А. Бердяева. – М.: Наука, 2004. – 132 с.
25. Эпштейн М.Н. От знания – к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменять мир. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. – 480 с. – (Серия «Humanitas»).

References

1. Berdyaev N.A. O naznachenii cheloveka. Opyt paradoksal'noj etiki // Berdyaev N.A. O naznachenii cheloveka. – М.: Respublika, 1993. – S. 20–252.
2. Berdyaev N.A. Samopoznanie. Sochineniya. – М.: EKSMO-Press; Har'kov: Folio, 1999. – 400 s.
3. Berdyaev N.A. Ekzistencial'naya dialektika bozhestvennogo i chelovecheskogo // Berdyaev N.A. O naznachenii cheloveka. – М.: Respublika, 1993. – S. 254–367.
4. Zherebilo G.Yu. Opravdanie cheloveka. Put' styazhaniya bogopodobiya // Polignozis. – М., 1998. – N 2. – S. 61–73.
5. Krasikov V.I.N.A. Berdyaev: toska po transcendentnomu // Krasikov V.I. Konstruirovaniye ontologij. Efemeridy. – М.: Vodolej: Publishers, 2007. – S. 295–301.
6. Kudaev A.E. Antropologicheskie osnovy koncepcii tragedii tvorchestva v estetike N.A. Berdyaeva // Polignozis. – М., 2010. – N 4. – S. 147–162.

7. *Maslihin A.V.* Chelovechnost' – funkciya nравstvennogo bytiya // Problema cheloveka: Multidisciplinarnyj podhod: Sb. Tezisov konferencii. – M.: ZAO «OLITA», 1998. – S. 10–13.
8. Tragedia v derevne Mochalovo // Mir novostej. – M., 2019. – 29.05.
9. *Mirkina Z.A.* Istina i ee dvojnikи // *Mirkina Z.A.* Izbrannye esse. Pushkin. Dostoevskij. Cvetaeva. – 2-e izd. – M.; SPb.: Centr gumanitarnyh iniciativ, 2017. – S. 10–62. – (Seriya «Humanitas»).
10. *Mirkina Z.A.* O tom, chto ne utekaet // *Pomeranc G.S.*, *Mirkina Z.A.* V teni Vavilonskoj bashni. – M.: ROSSPEN, 2004. – S. 223–365. – (Seriya «Humanitas»).
11. *Mirkina Z.A.* Ogon' ipepel (duhovnyj put' Mariny Cvetaevoj) // *Mirkina Z.A.* Nevidimyj sobor. – M.; SPb.: Centr gumanitarnyh iniciativ, 2013. – S. 98–250. – (Seriya «Humanitas»).
12. *Mirkina Z.A.* Po obrazu i podobiyu // *Pomeranc G.S.*, *Mirkina Z.A.* Spor civilizacij i dialog kul'tur (Lekcii i stat'i nulevyh godov). – M.; SPb.: Centr gumanitarnyh iniciativ: Universitetskaya kniga, 2014. – S. 331–336. – (Seriya «Humanitas»).
13. *Mirkina Z.A.* Svoboda vnutrennyaya // *Pomeranc G.S.*, *Mirkina Z.A.* Spor civilizacij i dialog kul'tur (Lekcii i stat'i nulevyh godov). – M.; SPb.: Centr gumanitarnyh iniciativ: Universitetskaya kniga, 2014. – S. 414–415. – (Seriya «Humanitas»).
14. *Mirkina Z.A.* Smysl krasoty // *Pomeranc G.S.*, *Mirkina Z.A.* Spor civilizacij i dialog kul'tur (Lekcii istat'i nulevyh godov). – M.; SPb.: Centr gumanitarnyh iniciativ: Universitetskaya kniga, 2014. – S. 313–322. – (Seriya «Humanitas»).
15. *Nizhnikov S.A.* Duhovnoe poznanie // Kul'turologiya. XX vek: Enciklopediya / Gl. red. S. Ya. Levit. – T. 1. – SPb.: Universitetskaya kniga: Aletejja, 1998. – S. 181–183.
16. *Pereł'stejn R.M.* Na glubine bytiya // *Pomeranc G.S.* Dorogi duha i zigzag istorii. – M.; SPb.: Centr gumanitarnyh iniciativ, 2013. – S. 398–413. – (Seriya «Rossijskie Propilei»).
17. *Pomeranc G.S.* Vyhod iz transa. – M.; SPb.: Centr gumanitarnyh iniciativ, 2017. – 592 s. – (Seriya «Rossijskie Propilei»).
18. *Pomeranc G.S.* Sny zemli. – M.; SPb.: Centr gumanitarnyh iniciativ, 2013. – 464 s. – (Seriya «Rossijskie Propilei»).
19. *Pomeranc G.S.* Tvorchestvo i nazhiva // *Pomeranc G.S.*, *Mirkina Z.A.* Spor civilizacij i dialog kul'tur. – M.; SPb.: Centr gumanitarnyh iniciativ: Universitetskaya kniga, 2014. – S. 116–119. – (Seriya «Humanitas»).
20. *Samohvalova V.I.* Tvorchestvo: bozhestvennyj dar; kosmicheskij princip; rodovaya identichnost' cheloveka. Nauchnoe zdanie. – M.: RUDN, 2007. – 538 s.
21. *Skvorcov L.V.* Civilizacionnye razmyshleniya: koncepcii i kategorii postcivilizacionnoj evolyuции. – M.; SPb.: Centr gumanitarnyh iniciativ, 2016. – 384 s. – (Seriya «Humanitas»).
22. *Tareev M.M.* Izbrannoe. Filosofiya zhizni. – M.; SPb.: Centr gumanitarnyh iniciativ, 2019. – 400 s. – (Seriya «Rossijskie Propilei»).
23. «Hotimi li net, no velichit nas Bog...». Dnevники, duhovnye besedy, stihii ero-monaha Vasiliya (Roslyakova). – M.: Paraklit, 2002. – 239 s.
24. *Chernyj Yu.Yu.* Filosofiya pola i lyubvi N.A. Berdyaeva. – M.: Nauka, 2004. – 132 s.
25. *Epshtejn M.N.* Ot znaniya – k tvorchestvu. Kak gumanitarnye nauki mogut izmenyat' mir. – M.; SPb.: Centr gumanitarnyh iniciativ, 2016. – 480 s. – (Seriya «Humanitas»).